

Фу Синъюнь с мрачным взглядом уставился вдаль.

— Ты слишком далеко.

Линь Цюн опешил.

— Ветра не чувствуешь?

Фу Синъюнь встретился взглядом с Цинь Вэйчу.

— М-м.

Линь Цюн прикрыл ладонями лицо Фу Синъюня, придвинулся ещё ближе и, поджав губы, принялся дуть на него.

Со стороны казалось, будто они слились в поцелуе.

Фу Синъюнь, видя, как Цинь Вэйчу стискивает зубы, уголки его губ тронула улыбка, а сердце переполнилось сладостным торжеством.

Цинь Хэн, заметив направление взгляда Цинь Вэйчу, повернул голову.

— Видишь теперь? Тебе тут просто не место.

Цинь Вэйчу с недовольным видом отвернулся.

Линь Цюн, не видя реакции после всех своих стараний, дующих губ, дотронулся до губ мужчины.

Фу Синъюнь вздрогнул.

— Что ты творишь?

— Смотрю, не поранился ли ты.

Цзи Яо, увидев, что карри на плите готово, подошёл позвать их.

— Линь Цюн.

Линь Цюн, целиком поглощённый осмотром, вздрогнул от неожиданности и обернулся.

— А?

Разглядев позу, в которой они находились, Цзи Яо воскликнул в изумлении:

— Вы что это тут удумали?!

Он указал на ещё не полностью севшее оранжевое солнце.

— На небе ещё светло, между прочим.

— ...

Линь Цюн поднялся на ноги и пояснил:

— У Синъюня губы обожжены, я ему дул.

Цзи Яо уставился на него и спросил с упрёком:

— А у самого-то отчего лицо красное?

Линь Цюн поэтично указал в сторону:

— Потому что на меня ложится закатный свет.

— ...

Цзи Яо посмотрел на них, затем оттащил Линь Цюна в сторону.

— Тогда почему у меня такое чувство, будто вы тут занимаетесь чем-то непристойным?

Линь Цюн спросил:

— Например?

— Чем-то для взрослых.

Линь Цюн взглянул на него.

— Тогда это тебе самому стоит задуматься.

Цзи Яо: ?

Линь Цюн сияюще улыбнулся:

— Почему у тебя в голове одни непристойности?

— ...

Поболтав ещё немного, Линь Цюн повёл Фу Синъюня ужинать. Подав ему тарелку с карри, он не забыл предупредить:

— Не забудь подуть, прежде чем есть.

Ли Ханьян, глядя на Цинь Хэна, с насмешкой повторил:

— Не забудь подуть, прежде чем есть.

У Цинь Хэна моментально пропал аппетит.

— Как же от тебя тошнит.

Ли Ханьян: ...

Вот тебе и братская дружба.

Затем он ворчливо добавил:

— Ни капли не понимаешь романтики, вот твоя жена и сбежала.

Цинь Хэн: ...

Давай, раним друг друга.

К ужину стало почти совсем темно, а метеорный поток ожидался только завтра. К вечеру похолодало, и Линь Цюн не стал задерживаться снаружи надолго. Помогая собрать оставшийся мусор, он затем увёл Фу Синъюня в палатку.

Линь Цюн, включив фонарик, принялся раскладывать спальный мешок. Фу Синъюнь, взглянув, спросил:

— Всего один?

Линь Цюн высунул голову из мешка.

— Ага. Цзи Яо сказал, что специально заказал двуспальный — для укрепления наших чувств.

С этими словами он поднялся и накрыл спальный мешок ещё и верхней одеждой.

Фу Синъюнь удивился:

— Это зачем?

Линь Цюн с серьёзным видом ответил:

— Ночью холодно, как бы не простудиться и не заболеть.

Линь Цюн быстро переоделся в пижаму — не такую тонкую, как домашняя — и юркнул в спальник. Высунув голову, он посмотрел на Фу Синъюня:

— Ты пока не раздевайся, залезешь, когда я согрею спальник. Твоим ногам нельзя переохлаждаться.

Сказав это, он поёжился в мешке, словно гусеница, и, когда стало достаточно тепло, поднялся, чтобы помочь Фу Синъюню раздеться, после чего быстро увлёк его внутрь.

Линь Цюн спросил:

— Ну как, не холодно?

Оказавшись в одном спальном мешке, они оказались крайне близко друг к другу. Тёплое дыхание Линь Цюна прямо касалось шеи мужчины.

Фу Синъюнь почувствовал лёгкое щекотное ощущение и пробормотал:

— Нормально.

Услышав это, Линь Цюн высвободил руку из спальника и поправил одежду, брошенную сверху.

— Если замёрзнешь, скажи мне.

Мужчина ничего не ответил.

В палатке воцарилась тишина. Линь Цюнь лежал в спальнике без намёка на сон. Он взглянул на телефон: было всего лишь восемь вечера.

Линь Цюнь слегка повернулся.

— Синъюнь, тебе не спится?

Фу Синъюнь:

— Всё нормально.

— А я совсем не хочу спать.

Фу Синъюнь взглянул на него.

— Завтра нужно встречать рассвет.

Услышав это, Линь Цюнь воспрянул ещё больше, придвинулся поближе и с оживлением спросил:

— Ты когда-нибудь видел восход солнца?

— Нет.

Линь Цюнь удивился:

— Как так, ты не видел?!

Фу Синъюнь:

— А почему должен был?

Линь Цюнь немного смущённо проговорил:

— Я думал, вы, богатые, умеете наслаждаться жизнью.

Тут же он снова спросил:

— Синъюнь, тебе не холодно?

— Не холодно.

— А мне немного холодно.

Фу Синъюнь меланхолично взглянул на него, затем тонкие губы его приоткрылись:

— Подвинься.

Услышав это, Линь Цюнь тут же, словно пушистая гусеница, устремился к нему, не переставая болтать:

— Синъюнь, какой же ты добрый, я тебя ещё сильнее полюбил.

Фу Синъюнь, избегая его взгляда, произнёс:

— Спи.

С этими словами он закрыл глаза.

Линь Цюн пристроился рядом с ним. Тело Фу Синъюня было совсем не холодным, напротив — оно напоминало печь.

Линь Цюн придвинулся ещё ближе, и вскоре мужчина почувствовал, как что-то проскользнуло между его ног.

Фу Синъюнь открыл глаза и посмотрел на Линь Цюна:

— Что ты делаешь?

Линь Цюн просунул ногу между ног Фу Синъюня:

— Греюсь.

Затем сияюще улыбнулся:

— Синъюнь, у тебя такое тёплое тело.

— Я тебя ещё больше полюбил.

Слова отказа застряли у мужчины на губах, и он лишь вздохнул:

— Как хочешь.

Чёрт, он так хорош в этом.

Линь Цюн прильнул к нему, глаза его были полузакрыты, и он казался сонным.

Дневные насмешки, казалось, всё ещё звучали в ушах. Фу Синъюнь смотрел на человека в своих объятиях:

— Линь Цюн.

Линь Цюн промычал:

— М-м?

— Если кто-то предложит тебе огромные деньги, чтобы ты ушёл от меня, ты уйдёшь?

Линь Цюн, борясь со сном, покачал головой:

— Нет.

— Почему?

— Потому что никто из них не богаче тебя.

— ...

Фу Синъюнь глубоко вздохнул:

— А если бы был богаче меня?

— Всё равно нет. — Линь Цюн, прищурившись, улыбнулся мужчине. — Потому что ты — самый крутой!

— ...

В книге Фу Синъюнь, пережив перерождение, стал невероятно могущественным существом, что заставляло читателей оставлять комментарии вроде: «Если бы Фу Синъюнь не погиб, ещё неизвестно, кто был бы главным героем».

Линь Цюн был абсолютно уверен: если бы он ушёл к другому, в чёрный список смертников антагониста определённо добавились бы ещё два имени.

Линь Цюн повернулся на бок и, словно без костей, положил руку на спину Фу Синъюня, похлопывая.

— Не волнуйся, даже если весь мир отвернётся от тебя, я не оставлю тебя.

Цени жизнь, береги психа.

Взгляд Фу Синъюня стал мрачнее.

— Ты сам это сказал.

Линь Цюн, не в силах открыть глаза от сна, пробормотал:

— Я сказал, я сказал.

— Если посмеешь нарушить слово — перебью тебе ноги.

Линь Цюн в своей сонной дремоте не сразу уловил жестокость в этих словах и, похлопывая мужчину по спине, лишь надеялся, что тот поскорее уснёт.

— Конечно, если я посмею нарушить — обязательно перебивай ноги.

Заметив, что мужчина собирается что-то сказать, Линь Цюн поспешно прижался к нему, прерывая его.

— Я люблю тебя. Даже если мне предложат горы денег и огромный дом — я не оставлю тебя.

Перекрыв все пути к отступлению, Линь Цюн уткнулся лицом в него:

— Спокойной ночи.

Фу Синъюнь: ...

Фу Синъюнь посмотрел на человека в своих объятиях и тоже закрыл глаза.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда раздался звонок будильника на телефоне. Фу Синъюнь глубоко вздохнул, затем открыл сонные глаза и протянул руку, чтобы выключить его. Раннее пробуждение не приносило удовольствия; ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя, прежде чем он коснулся спящего рядом.

— Линь Цюн, просыпайся.

Линь Цюн спал глубоким сном и, почувствовав прикосновение, мгновенно ухватился за эту руку и прижал к груди.

— Ещё немного поспим.

Фу Синъюнь глядел на его спящее лицо и, словно поддавшись необъяснимому порыву, ущипнул его за щёку.

— Просыпайся.

Линь Цюн издал недовольный звук:

— М-м...

Нежное лицо юноши, покрасневшее во сне, выглядело особенно милым и наивным. Палец Фу Синъюня слегка погладил его щёку.

— Поднимайся, встречать рассвет.

Услышав слово «рассвет», Линь Цюн постепенно начал приходить в себя.

Затем он заставил себя открыть глаза и пробормотал:

— Встречать рассвет.

Фу Синъюнь:

— М-м.

Линь Цюн медленно приподнялся, бормоча себе под нос:

— Встречать рассвет, сейчас же встану и пойду смотреть. Пойду смотреть на рассвет, пойду смотреть на рассвет с семьёй на буксире.

Наблюдая за его бормотанием, Фу Синъюнь невольно улыбнулся.

— Если не выспался, не надо идти.

— Нельзя. — Линь Цюн начал надевать носки. — Я уже встал, я пойду смотреть рассвет.

Он потер лицо, пытаясь взбодриться, и, закончив одеваться, повернулся, чтобы помочь Фу Синъюню.

Поскольку остальные ещё спали, они двигались очень тихо.

Линь Цюн раздвинул полог палатки, за которым была кромешная тьма, достал фонарик и протянул его мужчине.

— Держи.

С этими словами он вышел из палатки и присел.

Фу Синъюнь:

— Что делаешь?

Линь Цюн оглянулся на него:

— Забирайся, я понесу тебя на спине.

Фу Синъюнь замер от неожиданности. Линь Цюн, глядя на него, сказал:

— Дорога к заднему склону вся в гору, инвалидное кресло толкать тяжело. Если захочешь попробовать идти — для коленей тоже плохо.

Фу Синъюнь смотрел на его худую спину, не двигаясь.

— Я не пойду.

Линь Цюн удивился, но, боясь разбудить других, прошептал:

— Почему?!

Фу Синъюнь:

— Не хочу.

— Врёшь! — Линь Цюн посмотрел ему в глаза. — Ты же очень хочешь.

С этими словами он взял его руку и перекинул через своё плечо, почти насильно взвалив на спину, затем глубоко вздохнул и поднялся, понеся его к заднему склону.

Фу Синъюнь был нелёгким — Линь Цюн понял это ещё в прошлый раз, когда поддерживал его. Но вчера он нашёл толстую палку, и теперь она служила ему посохом, чтобы не упасть под тяжестью ноши.

На его спине Фу Синъюнь отчётливо слышал учащённое дыхание.

— Линь Цюн, здесь достаточно, опусти меня, иди один.

Линь Цюн говорил с усилием:

— Нельзя.

— Рассвет можно увидеть где угодно.

— Это не то же самое.

Фу Синъюнь:

— Чем не то же самое?

Линь Цюн посмотрел на холм, куда они вчера поднимались.

— Абсолютно всем не то же самое.

Стиснув зубы, он направился по тропе, ведущей к вершине горы.

Добравшись до вершины, Линь Цюн усадил Фу Синъюня и почти рухнул на землю. Несмотря на невысокую температуру, он был весь мокрый от пота.

Небо на горизонте уже начинало светлеть, окрашиваясь в нежные тона. Линь Цюн сел рядом с Фу Синъюнем и с нетерпением смотрел вдаль.

— Скоро... скоро взойдёт солнце.

Видя, как тот запыхался и с трудом выговаривал слова, Фу Синъюнь сжал пальцы.

Он уже собирался что-то сказать, как вдруг золотистый свет пронзил небо, ослепительный и в то же время завораживающий.

Линь Цюн в волнении схватил его за руку:

— Синъюнь!

Его голос прозвучал тихо и словно бы издалека. Произнеся имя, Линь Цюн умолк, не отрывая глаз от горизонта. Фу Синъюнь повернулся к нему и увидел, как солнечные лучи озаряют его нежное лицо, но даже этот свет казался тусклым в сравнении с сиянием его глаз.

Алое солнце полностью показалось на горизонте, и, когда они пришли в себя, было уже пять утра.

Линь Цюн снова поднялся, собираясь вести их вниз, и на прощание неохотно обернулся, чтобы бросить последний взгляд.

Сделав шаг, он глухо проговорил:

— Синъюнь, давай ещё раз приедем посмотреть рассвет, хорошо?

Фу Синъюнь:

— Хорошо.

— В следующий раз ты понесёшь меня на спине.

— ...Хорошо.

От автора:

Фу Синъюнь: — Если посмеешь нарушить слово — перебью тебе ноги!

Предыдущий, кто так говорил, уже потерял свою жену.